

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

«РЕВИЗОР» КОМЕДИЯ,
СОЧ. Н. ГОГОЛЯ

Петр Вяземский

«Ревизор» комедия, соч. Н. Гоголя

«Public Domain»

1836

Вяземский П. А.

«Ревизор» комедия, соч. Н. Гоголя / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1836

«Литературные события у нас редки. Литература наша кругообращается в явлениях, подходящих под статью обыкновенных, ежедневных происшествий. Эти явления скользят по вниманию читающей публики, не прорезывая глубоких следов в общественном мнении. Разве только в чресполосном владении журналистов возникают по сему случаю тяжбы, обращающие на себя, и то мельком, взоры одних литературных присяжных, или экспертов; впрочем, и в таком случае также трудно сквозь шум, крики и брань понятых вникнуть, о чем идет дело, и удостовериться, есть ли действительно дело в споре...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Петр Вяземский

«Ревизор» комедия, соч. Н. Гоголя

Литературные события у нас редки. Литература наша кругообращается в явлениях, подходящих под статью обыкновенных, ежедневных происшествий. Эти явления скользят по вниманию читающей публики, не прорезывая глубоких следов в общественном мнении. Разве только в чреполосном владении журналистов возникают по сему случаю тяжбы, обращающие на себя, и то мельком, взоры одних литературных присяжных, или экспертов; впрочем, и в таком случае также трудно сквозь шум, крики и брань понятих вникнуть, о чем идет дело, и удостовериться, есть ли действительно дело в споре. Часто съедутся, шумят и чем же кончат? поднимут мертвое тело... Высшая же власть, заведывающая подобными делами, то есть образованная публика, принимает все это просто к сведению без лицепрятия, и тем свободнее, что все это – дело для нее постороннее. Редко случается писателям нашим задеть публику за живое, касаясь предметов, близких к ней. Многие из писателей наших живут слишком вне общества; они чужды общежитийским отношениям, понятиям, мнениям, нравственности высшего круга читателей, то есть образованнейшего; между тем не довольно положительны, добросовестны, чтобы действовать с пользою на классы читателей, нуждающихся в пище простой, но сытой и здоровой. Они какой-то междоумок в обществе: они пишут для людей, которые их не читают, или не имеют нужды их читать, и, следовательно, читают равнодушно и рассеянно, и читаются теми, которые не могут судить их. Тем более литературное произведение, выходящее из круга этих частных и безжизненных явлений, потрясающее оба противоположные края читателей, рождает у нас деятельность необыкновенную. Каждый спешит дать голос свой, и неминуемым следствием того бывает разногласие в мнениях. Драматическое произведение, а в особенности комедия народная, или отечественная, принадлежит к сему разряду явлений, которые должны преимущественно обратить на себя общее внимание. О комедии каждый вправе судить; голоса о ней собираются не в тишине кабинета, не пред зеркалом искусства, не по окончании медленной процедуры и применения всех законов литературного уложения; публика не выжидает, чтобы тот или другой трибунал, тот или другой журнал, тот или другой критик исследовал дело и подписал приговор. Нет, голоса собираются по горячим следам в шумном партере, где каждый, кто внес законную долю установленного сбора, допускается к судейским креслам и рядит и судит за свои деньги о деле, подлежащем общему суждению. У вас и в этом отношении авторы с удивительно ловкостью умеют обыкновенно избегать прямой встречи и тесного столкновения с публикою. Большая часть русских комедий также дело для нее постороннее: это снимки с картин чужой или вымышленной природы. В подобных снимках может идти дело об искусстве художника в исполнении, но нет речи о жизни, о верности, о природном сочувствии. Тем более комедия, не принадлежащая кругу сих заимствований, вымыслов или подделок, должна произвести общее, сильное и разнородное впечатление. Мало было у нас подобных комедий: «Бригадир», «Недоросль», «Ябеда», «Горе от ума» – вот, кажется, верхушки сего тесного отделения литературы нашей. «Ревизор» занял место вслед за ними и стал выше некоторых из них. Комедия сия имела полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задушевный и единогласный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздававшийся после в повсеместных разговорах, – ни в чем не было недостатка. В чтении комедия выдержала театральный успех, если еще не превзошла его, что и должно быть в комедии, писанной с умом и талантом, с истинною комическою веселостью, но с меньшею заботливостью о игре и сшибках драматических внезапностей. В сем отношении, заметим мимоходом, «Ревизор», приблизившийся характеристическим достоинством своим к вышеупомянутым исключениям из русского театра, приближается к ним и тем, что можно было бы

наименовать недостатками их, если б сии недостатки не составляли общей принадлежности и литературы нашей. Но о сем речь впереди и в другом месте. Впрочем, как успех «Ревизора» ни был блистателен, а все же не может он не подлежать некоторым оговоркам, критическим замечаниям и осуждениям. Охотно и предварительно соглашаемся за глаза со всеми критиками настоящими, прошедшими и будущими, что в сей комедии встречаются погрешности, и спросим у них: знают ли они хотя одно литературное творение, которое вышло бы совершенным из рук творца своего? Чисто литературные споры почти всегда бесполезны, потому что в спорах о изящности художнического произведения трудно, или решительно невозможно, привести спор к окончательному заключению. Есть что-то ребяческое в важности, с которою аристархи литературные спешат наложить свинцовое клеймо свое на каждое новое литературное явление. Им кажется, что без их отметки творение недоделано и ждет от них законного вида, как после таможенного досмотра. Общие замечания о комедии г. Гоголя можно подвести под три отделения: литературное, нравственное и общественное. В исследовании сих замечаний и в возражениях на оные обратим мы более внимания на то, что было говорено о «Ревизоре», нежели на то, что было о нем писано: во-первых, потому, что бесполезность замечаний чисто литературных уже нами оценена, во-вторых, потому, что в разговорах русских гораздо более ума, нежели в письменных русских статьях. Вообще ум наш натуры изустной, а не письменной. К тому же в споре, раздающемся в салонах, речь идет о мнениях: в споре журналов более о словах и о личности. С журналами спорить нельзя, по той же причине, по которой Карамзин не отвечал ни на одну критику, хотя он и любил спорить. Есть люди, которые жаркие спорщики в своем кругу и вместе с тем миролюбивы и безответны на толкучем рынке¹

¹ Само собой разумеется, что нет правила без исключения. Читатели наши, знакомые с «Московским наблюдателем», догадываются и без нашей оговорки, что он здесь в стороне. Нельзя не желать для пользы литературы нашей и распространения здравых понятий о ней, чтобы сей журнал сделался у нас более и более известным. Особенно критика его замечательно хороша. Невыгодно подпасть под удары ее, но по крайней мере оружие ее и нападения всегда благородны и добросовестны. Понимаем, что и при этом случае издатели «Телескопа» и другие в добродушном и откровенном испуге воскликнут: «Избави нас, боже, от его критик!» Но каждый молится за свое спасение: это натурально. (Примеч. П. А. Вяземского.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.